

УДК 89.09.140.8

Н. М. Раковская*г. Одесса***АВТОРСКОЕ СОЗНАНИЕ В КРИТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ АП. ГРИГОРЬЕВА**

Розглядається особливості міфокритики Ап. Григор'єва. Акцентується увага на стилістиці тексту критики, визначуваному його чуттєво-поетичним авторським світом.

Ключеві слова: критичний текст, міфокритика, авторський світ, стилістика тексту, ментальність.

Рассматриваются особенности мифокритики Ап. Григорьева. Акцентируется внимание на стилистике текста критики, определяемом его чувственно-поэтическим авторским миром.

Ключевые слова: критический текст, мифокритика, авторский мир, стилистика текста, ментальность.

The main features of myth criticism of Ap. Grigoriev are examined. Attention is paid on the stylistics of the critics of the text. It is determined by his perceptibly-poetic authorial world.

Keywords: critical text, myth criticism, authorial world, stylistics of text, mentality.

В последнее десятилетие явственно обозначился интерес к изучению критического текста. Об этом свидетельствуют исследования Р. Громяка, М. Зубрицкой, С. Яковенко и др. Вместе с тем, ряд аспектов указанной проблемы еще остались недостаточно изученными, в частности, рассмотрение особой модели критического текста. С нашей точки зрения изучение модели мира и человека требует постановки вопроса о системности, целостности критической рефлексии, включающей в себя целый ряд факторов историко-культурной традиции. Актуализация проблемы заключается в том, что модель мира и человека в критическом тексте является определяющей и неразрывно связана с интерпретацией авторского «я» критика и читателя.

Литературная критика Ап. Григорьева складывалась под воздействием философских и эстетических поисков славянофилов. Вместе с тем ощутимо влияние романтической философской мысли, в частности, Шеллинга. В связи с этим, существенное место в своей концепции искусства Ап. Григорьев отводит идее, понимаемой как материально-телесно-вещественная явленность. Эту материальную вещественность нельзя осознавать как традиционные логические категории. Свою эстетику Ап. Григорьев называет «чувственной», ибо духовное реализуется здесь как живая материальность. «Все идеальное есть не что иное, как аромат и цвет реального» [1, т. 2, с. 81]. Идеальное представляется не только как телесно-вещественное, осязаемое, видимое, но даже как обоняемое. Для критика важным является рассмотрение искусства как «органического продукта жизни». Он убежден в тождестве органических форм жизни и форм эстетических. «Органический» взгляд, по концепции критика, признает за свою исходную точку творческие, непосредственные, природные жизненные силы [1, т. 2, с. 143]. Рационалистичность, аналитичность критиком не принимается. С его точки зрения, творчество начинается с благоговейной художественной религиозности, т. е. с уважения к жизни и смирения перед нею. Творчество представляет «синтетическое, цельное, непосредственное, интуитивное разумение жизни» [1, т. 2, с. 114]. Естественно, что при таком понимании искусства, художественные произведения с

точки зрения критика «идут от образов, не от идей» [1, т. 2, с. 6], и всякая истинно-художественная деятельность оказывается в разрезе с теориями, каковы они ни были [1, т. 2, с. 42].

На взгляды Ап. Григорьева-критика безусловно оказывало влияние его поэтическое творчество. Для теоретика и поэта в органическом мире нет ничего мертвого. Все тела, все вещи и предметы наделены, по мнению критика, психичностью. В синкретизме духа и материи, в диффузной сцепленности тела и психики им видится удивительный феномен жизни как нераздельной целостности. «Я ничего не искал и не ищу, – писал он, – как указать на тождество законов органического творчества в явлениях мира психического (духовного) и соматического (материального)» [1, т. 2, с. 81]. Думается, что такое восприятие мира можно назвать мифологическим. Метод Григорьева, в таком случае, является мифотворческим [3]. По Ап. Григорьеву, литературное произведение – это всегда и непременно живое произведение, стройный и живой мир. О художественной деятельности можно говорить лишь в том случае, если эта деятельность ощутима физически, если она не идеальна, но вещественна и предметна. Все, что не находит своего форменного, телесного воплощения, оказывается иллюзией. Ап. Григорьев размышляет о том, что если жизнь и ее формы есть нечто органическое, природное, чувственное, вещественное, а искусство – продукт жизни, то и оно есть такая же чувственность, такое же тело, вещь или предмет. Научное и поэтическое сливаются в размышлениях критика. Очевиден синкретизм Ап. Григорьева.

Мифотворчество, заставляющее «органическую критику» одухотворять художественный образ и отождествлять его с жизненной материальной предметностью, вызывалось весьма своеобразным стилем мышления, который так характерен для творческой индивидуальности Ап. Григорьева. Стил ь этот является причиной противоречий критика, которые часто принимаются за «несообразности». Существенной особенностью всего мифотворческого стиля мышления Ап. Григорьева, базирующегося на методологическом принципе «все – во всем», следует признать текучесть тех категорий, которыми оперирует критик. Справедлива мысль исследователя В. Ракова о том, что, представить и понять содержание рассуждений критика можно только уловив, постоянно присутствующий в них момент перехода, перелива и текучести категорий [5, с. 90]. Ап. Григорьев часто нагромождает категории бытия на понятия об искусстве, в связи с чем жизнь и произведения искусства предстают как некое характерологическое целое. Осмысляя размышления критика, трудно определить, где жизнь, где произведение, где эстетическое воплощение. Это еще раз подтверждает мысль о мифологическом истолковании искусства как нераздельной целостности. Принцип «все во всем» лежит в основе мифологической логики критика и определяет его стил ь. Многие сущностные понятия и категории, такие как действительность – жизнь, искусство, художественный образ, не имеют четких определений и границ. Стил ь Ап. Григорьева можно назвать сущностно-текучим или понятийно-диффузным. «Текуче-сущностный стил ь заключается в постоянном перекрытии одного понятия другим или одного образа, или символа, другими образами или символами. Это ни в коем случае нельзя считать ни каким-нибудь недостатком писательской манеры, ни какой-нибудь путаницей. Это есть только

результат того, что всякая сущность у него берется не только сама по себе, но почти всегда еще и в своем совпадении с явлением, то есть с проявлением сущности» [2, с. 107]. Вместе с тем Ап. Григорьев иногда отходит от понятийно-диффузного стиля. Так, у него есть рассуждения о том, что «не все реальное есть идеальное, и в этом-то суть различия» форм художественного отражения от пантеистической, одухотворяемой действительности [1, т. 2, с. 202]. Ап. Григорьев размышляет и о том, что «нельзя смотреть на искусство как на нечто жизни подчиненное, даггеротипно-бессмысленное» [1, т. 2, с. 334]. В определенной степени Ап. Григорьев признает условность искусства. У истинного художника, пишет Ап. Григорьев, образы «рельефны, но не до такой степени, чтобы прыгать из рам; за ними есть еще что-то, что зовет нас к бесконечному, что их самих связывает незримою связью с бесконечным» [1, т. 2, с. 12]. Идеальное в таком случае выступает как нечто большее, чем его образная форма, т. е. речь идет об одном из семантических свойств искусства.

Очевидным отказом Ап. Григорьева от привычных для него принципов мышления можно считать и «почастное», раздельно-морфологическое восприятие проблемы творческой индивидуальности писателя. Так, в статье «О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене» критик пишет, что оригинальность художественного облика драматурга складывается из:

- 1) новаторского содержания его произведений;
- 2) «новости отношения автора к изображаемому им быту и выводимым лицам»;
- 3) новаторства «манеры изображения»;
- 4) своеобразия языка «в его цветистости, особенности» [1, т. 2, с. 114].

Все это как те морфологические элементы художественных произведений, изучением которых занимается поэтика.

Ведущим тезисом его статей было положение о том, что «художник всегда выражает в творении внутреннее бытие свое» [1, с. 89]. Бесспорно, эта теоретическая посылка противоречила «смирненческому» пафосу «органической критики», стремившейся растворить индивидуальность художника в телесной предметности бытия. Подобных отступлений от теоретических канонов у Ап. Григорьева много. И если даже он и не занимается специальным изучением морфологических аспектов искусства, то его научная память отлично знает такую эстетическую категорию, как мера [1, т. 2, с. 178]; не теряет из виду классификацию искусств, произведенную в свое время Лессингом [1, т. 2, с. 138]; оперирует понятием о родовых и жанровых образованиях (суждения критика об эпосе, лирике, трагедии, комедии и проч.) [1, т. 2, с. 201]. Тут же найдем и вполне смелые для Ап. Григорьева высказывания об исторической динамике художественных форм, их изменчивом и прихотливом переосмысливании в различные эпохи. Интересна мысль и том, что критик «должен идти таким путем..., что обязан помнить, как технические требования, требования вкуса в разные эпохи изменялись, как многое, что современники считали у великих мастеров ошибками, потомки признали за достоинство, и наоборот» [1, т. 2, с. 205]. Таким образом, внимание к конструктивной стороне искусства не чуждо «органической критике». И эта тенденция заявлена Ап. Григорьевым вполне внятно и выразительно, хотя в различных случаях выявлена она по-разному: в одних – четко, в других –

сдержанно, а иной раз оказывается и вовсе подавленной совсем другим стилем мышления. При всем этом Ап. Григорьев успевает прийти к мысли о необходимости отличать критику искусства и ее задачи от самого искусства. «Одно, – пишет он, – есть отражение идеального, другое – разъяснение отражения» [1, т. 2, с. 229]. Этот вывод был пределом тех возможностей, которыми обладали дифференцирующие тенденции в мышлении Ап. Григорьева. Бесспорно, структурно-морфологические наблюдения не были системными и не имели в «органической критике» программного содержания.

Романтическая интуитивность, стихийность отражались не только в идеях Ап. Григорьева, но и в формах его статей. Принцип построения статей критика характеризуется отсутствием плана, логики. Н. Страхов писал, что «начиная свою статью, он никогда не знал ее конца» [4, с. 28]. Так, например статья о И. Тургеневе («И. С. Тургенев и его деятельность») была задумана в двух частях, ибо после второй части было написано «окончание», но затем появились еще две части, которые были написаны экспромтом, переходы от одной части к другой неожиданны, части несоразмерны. Ап. Григорьев как бы «забывал о задачах статьи, и размышлял о явлениях, не имеющих отношения к теме. Статья превращалась в «бесконечную беседу или речь». Такова, например, работа «О комедиях Островского и их значение в литературе и на сцене» (где изложен не имеющий отношения к теме статьи трактат Посошкова). Мысль критика разворачивается по концентрическим кругам, с частными повторами, риторическими вопросами. Этими особенностями отличается статья «Горе от ума». Работа представляет сложную конструкцию, подчас хаотическую, где наличествуют множественные повторения (например, об отношении В. Белинского к произведению «Горе от ума», нравственная оценка «большого света», о героизме Чацкого и т. д.).

Особенность метода и стиля Ап. Григорьева воплотилось в его лексике. Частыми являются такие эпитеты как «живорожденный», «допотопный», которые применялись при оценке социальных и эстетических понятий. Оригинальными были сравнения критика. Как известно, сравнения широко использовал В. Белинский, превращая их в развернутые картины, целые аллегории, У Ап. Григорьева есть сравнения как традиционные для литературной критики середины XIX в., например, библейские образы или русские поговорки, так и совершенно оригинальные. Например, характеризуя героя романа Писемского «Тюфяк», Ап. Григорьев пишет: «Человек умный и не бездарный, хоть и медведеватый как Павел Бешметов, человек, которого коснулись, и даже не поверхностно, а основательно наука, искусство, современное развитие идей, – живет со своим старым наследственным звериным хвостом, лелеет и холит его, даже нет-нет да обмокнет его, этот драгоценный пушистый хвост, в грязную лужу и мазнет им ближнего по физиономии» [1, т. 2, с. 431].

Иногда сравнения Ап. Григорьева занимали несколько страниц текста. Таковыми являются сравнения, связанные с оценкой романа И. Тургенева «Дворянское гнездо» (сравнение романа с незавершенной картиной). Однако есть у критика и краткие ироничные сравнения. Так, например, особенности мужских и женских характеров в комедии Грибоедова «Горе от ума» сравниваются с кошачьими и собачьими повадками; фигуры на картинах Фра Беато – с «селедками»

и т. д. Ап. Григорьев склонен к повторяемости сравнений. Есть у него сравнения, которые переходят из статьи в статью. Например, «гомункулус Вагнера», «змея, кусающая свой хвост», «Сатурн, пожирающий своих детей» и т. д. Склонен Ап. Григорьев к повторяемости своих суждений, образов, им же созданных. Особенно это связано с рассуждением о соотношении народного и национального (они полностью переходят из статей о творчестве Островского, созданных в 1855-1860-х годах, в статью «Развитие идеи народности в нашей литературе после смерти Пушкина» (1861). Размышления о критике Гегеля и исторической школе, содержащиеся в статье «Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства» (1858), оказываются затем в статье о Пушкине и т. д. Таким образом, мифологичность метода критика, бесспорно, оказала влияние на его стиль, статьи критика остаются незавершенными, составленными из разных фрагментов. В их основе интуиция критика, культ «непосредственности», чувственности восприятия. Перспективы изучения связаны с решением общих задач исследования критического текста в контексте парадигм различных эпох.

Библиографические ссылки

1. Григорьев Ап. Сочинения : в 2-х т. / Ап. Григорьев. – СПб., 1876. – Т. 1–2.
2. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм / А. Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1980. – 661 с.
3. Стеблин-Каменский М. И. Миф / М. И. Стеблин-Каменский. – Л. : Наука, 1976. – 104 с.
4. Страхов Н. Воспоминания об Ап. Григорьеве / Н. Страхов // Эпоха. – 1864. – Т. 9.
5. Раков В. П. Характеристика «органической критики» Ап. Григорьева / В. П. Раков // Филологические науки. – 1979. – № 6. – С. 28–32.

Надійшла до редколегії 12.05.11

УДК 82(1-87)

Н. О. Сенчило

м. Київ

ГЕНЕАЛОГІЧНІ ЗВ'ЯЗКИ ТУРЕЦЬКОЇ ТА ЄВРОПЕЙСЬКИХ ЛІТЕРАТУР У МЕЖАХ СОЦІАЛЬНОГО РЕАЛІЗМУ

Зроблено спробу визначення основних генеалогічних зв'язків у турецькій літературі кінця XIX – початку XX століття.

Ключові слова: генеалогічні зв'язки, реалізм, соціальний реалізм, зовнішні зв'язки.

Предпринята попытка определения основополагающих генеалогических связей и их разновидностей в турецкой литературе конца XIX – начала XX века.

Ключевые слова: генеалогические связи, реализм, социальный реализм, внешние связи.

In the article an attempt is made to determine the main genealogical relations and their variety in the Turkish literature at the end of the 19th century and beginning of the 20th century.

Keywords: genealogical relations, realism, social realism, external relations.

У процесі літературного розвитку тієї чи іншої національної літератури подібні літературні напрями, жанри чи індивідуальні твори можуть розвиватися в різних національних літературах не лише незалежно один від одного, а й за допомогою літературного контакту. Вплив літератури на літературу є закономірним явищем. Літературні міжнаціональні впливи можуть існувати на рівні окремих творів,